

Тихоструйно бежит мимо нашей деревни речка Круча. Почему она Круча – никто не знает, я спрашивал у наших местных стариков. И скорее всего, она даже не речка, а ручей – только так тоже не скажешь, если у неё назва-

ние есть и рыба в ней водится. Хотя какая это рыба: окушки да краснопёрки, а чтобы серьёзная какая-то, лещ или щука, – такой нет. Лещ и щука, они около запруды живут, в яме. Опять же, одно название, потому что никакой запруды там уже нет, а есть Колодoveц, то есть озеро такое большущее-пребольшущее, которое осталось от водяной мельницы, ещё дореволюционной. Там гнилые столбы, не догнившие вместе с мельницей, до сих пор из воды торчат – разглядеть можно.

Говорят, мельница та когда-то здешнему барину принадлежала, только было это сто лет назад, и никто тут про того барина уже ничего не знает и не помнит, а про него я тоже расспрашивал. Про барина тоже они лишнего хватили: барин это ого-го как, это почти боярин! А откуда в нашей глуши бояре? Наверное, никакого барина тут и не было, даже двести лет назад, а был простой, но уважаемый местный мельник, к которому вся деревня на поклон ходила, если беда какая или нужда.

Владимир Ильич прикупил в нашей деревне домик себе семь лет назад. Отслужил он в каких-то секретных ракетных войсках на самом Дальнем Востоке, чуть ли не на Курилах, двадцать пять лет и с полковничьей пенсией перебрался жить к нам. Ну, конечно, у него в городе есть хорошая квартира, от государства даденная, а у нас он себе «охотничий домик» прикупил. Искал он такой, чтобы и рыбалка была, и охота, и грибы, и ягоды, и огород с редиской и огурчиками. А у нас всё это есть, и всё под рукой. Так и живёт он: зиму в городе, а с мая по октябрь у нас.

Хороший дом он себе купил, ничего не скажешь – пятистенок с двумя печками, русской и голландкой, крепкий такой. И рады мы в деревне все очень были. А всё потому, что купил он дом у Николая Гавриловича, а тот – ну просто дрянь, а не человек был. И не только я был рад,

что эта зараза, Николай Гаврилович, от нас к своим сынам в город съехал, а, наверное, и ещё полдеревни тому порадовались. Уж больно мужик он был противный, да вредный, да кляузный, а Димку, пожарного нашего, вообще до тюрьмы довел: написал куда следует, что тот кабанчика под Новый год в лесу завалил.

В общем, нехорошим человеком наш Николай Гаврилович был. Был бы Сталин жив, тот бы непременно расстрелял Николая Гавриловича. Да и не только Сталин – Хрущёв тоже бы расстрелял такого: Никита ведь только с виду был такой лысый дурачок из села, а на самом деле он тех, кто американскими носками и штанами торговал и доллары ихние копил, запросто расстреливал, пачками.

Провёл Владимир Ильич ревизию всего дома: и печных дымоходов, и фундамента, один венец, подгнивший с угла, даже менять пришлось, а забор – так вообще весь новый капитальный поставил. А после того только уже привёз он хозяйку свою, Анастасию Ермолаевну, – солидная женщина оказалась, и умная, и всё знающая – наших баб стала сразу учить огурцы солить и бруснику мочить на зиму. Всё это на полном серьёзе, и бабы наши её слушали – как курицы. В общем, авторитета ей было не занимать, а так как она ещё и медицинским работником когда-то была, то уж тут все ею стали пользоваться.

А Владимир Ильич, чтобы так же авторитет хоть какой-то заполучить нужный, местный, стал на речку с удочкой ходить. И вот стоит он как-то на бережку с удочкой, а рядом с ним, ну, на десять метров повыше, местный мужик наш, Илюха, – и тоже с удочкой. Таскают они окуней по очереди да сорожек с ладошку величиной. Чего с ними делать – я вот до сих пор не пойму!

А тут выходит из кустов здоровенный рыжий котяра с двумя репьями, прицепившимися к хвосту, вальяжный такой, иначе не скажешь, подходит он к Илюхе, что-то

сказал ему хриплым голосом и, зевнув во всю пасть, улёгся на солнце греться.

– Это твой, что ли, красавец такой? – спросил Владимир Ильич у Илюхи.

– Мой, – ответил Илюха, – а ты дай ему рыбину, он и твой тоже будет.

Владимир Ильич покопался у себя в полиэтиленовом пакете, достал краснопёрку жирную, крупненькую такую.

– Как его зовут-то? – спрашивает он у Илюхи.

– Хочешь, Васькой зови, – отвечает Илюха.

– Кис-кис-кис, Васька, – позвал Владимир Ильич.

Кот поднял голову, продрал глаза и мяукнул, будто ржавая калитка скрипнула.

– Васька, Васька, на рыбку, – снова позвал Владимир Ильич.

Кот нехотя поднялся, подошёл к Владимиру Ильичу и произнёс теперь уже что-то похожее на «мяу», но очень громко, будто обругал, и Владимир Ильич понял, что это животное знает себе цену и шутить с ним не надо. Хотя, как потом оказалось, при правильной постановке взаимоотношений и шутить можно – если правильно шутить.

За час рыбалки Васька сожрал ещё шесть краснопёрок. А когда Владимир Ильич смотал свою удочку и пошёл домой, кот Васька поднялся, зевнул, потянулся и пошёл сначала за рыбаком-кормильцем, а потом, безапелляционно обогнав его, двинулся впереди, иногда сердито оборачивая голову и строго посматривая на Владимира Ильича. А тому поведение кота было не просто смешно, но и сказочно.

С тех пор стал Васька-кот жить на крыльце у Владимира Ильича, хотя его родной дом был по соседству, чуть наискосок, но он как-то разлюбил его сразу. С Владимиром Ильичом он был строг по-мужски, а вот с хозяйкой, Анастасией Ермолаевной, он просто нечестно себя вёл,

с подхалимажем: запрыгнет на стол, когда та чай пьёт, и вот об ухо её тереться, и песню начнёт петь, то есть мурлыкать. А раз как-то, я видел, в огороде запрыгнул ей на спину и, усевшись на плече, тоже что-то нежное своё стал рассказывать.

Анастасия Ермолаевна все эти знаки внимания без последствий оставить не могла и по-женски привечала Ваську, то есть подкармливала его, хотя, конечно, основной Васькин интерес был за Владимиром Ильичом. Васька обязательно ходил с отставным полковником на речку, и не напрасно: и краснопёрки, и окуни ему по душе были. А также он ходил с ним и на утреннюю утиную зорьку, и в лес за рыжиками, и на болото за клюквой, хотя и не очень хорошо понимал, зачем это надо делать. Правда, после таких походов он от хозяина получал обязательно большой отрубок ливерной колбасы, что тоже поддерживало его интерес к новому своему дому.

В отличие от большинства своих соплеменников, а я их много повидал на своём веку, Васька не был жуликом и продуктовыми запасами хозяев своих не интересовался. Но однажды, вернувшись из соседней деревни, куда он уходил по своим делам на пару дней к знакомым кошкам, Васька обнаружил, что и полковника, и Анастасии Ермолаевны дома нет. Машины во дворе тоже не было, и можно было сделать вывод, что хозяева уехали. Но, забравшись в дом через открытую форточку, Васька понял, что хозяева уехали ненадолго – скорее всего, в райцентр. В кастрюле, которая была ещё теплой, лежала недавно сваренная целая курица.

Васька равнодушно относился к варёным курицам, но случай был таков, что надо было поесть, а главное – хозяевам наглядно объяснить, что о нём с заботой и постоянно вспоминать надо, а не просто так! Он и живых-то кур не очень любил с самого детства, когда его ещё котён-

ком здорово потрепал белый петух. Васька вытащил из кастрюли злополучную курицу, отгрыз у неё крыло, а саму всю исцарапал и раздербанил на части прямо на полу.

Конечно, Анастасия Ермолаевна ругалась и даже треснула Ваську веником, но он не рассердился на неё – порядок должен быть во всём. А потом она, Анастасия Ермолаевна, всё равно наложила ему полную миску творога со сметаной. А на веник, который стоял в углу, Васька теперь непременно шипел, когда проходил мимо.

Во всём основном Васька очень внимательно и бережно относился к своему новому дому. Он в нём всё исследовал и проверил, уяснив, каким образом мыши могут из подвала пробираться в избу. Зима придёт – все мыши с полей в избы прибегут. Забронировал он себе и три точки в избе, удобные либо для отдыха, либо для наблюдения: на подоконнике, на печке и в кресле.

Ночевал он всегда на веранде, прямо на столе, логично рассуждая, что на даче надо пользоваться свежим воздухом в полном объёме. Хотя он и пометил весь огород и участок своим специальным кошачьим способом, проявить свою любовь и внимание к полковнику и его Анастасии Ермолаевне таким же образом он не решился, хотя и очень ему хотелось через тапочки и туфли хозяйские этот знак внимания тоже им передать.

Полковник теперь ходил на речку ловить краснопёрок чуть ли не каждый день, даже когда моросил дождик. А в октябре дожди потекли без перерыва и не спрашивая ни у кого разрешения. Васька в дождь на речку не ходил – предпочитал сидеть под крыльцом. Полковник, если рыбы наловит, всё равно ему принесёт!

Дачный сезон кончался.

Сосед Владимира Ильича, Илюха, как-то раз, уже крепко пьяненький, заявился к нему днём:

– Ильич, – заявил он ему, – ты уважаемый человек и у нас в деревне, и в городе! Так вот, я хочу тебе сказать, что разрешаю тебе забрать моего Ваську с собой на зиму в город.

Вот как они понимают человеческие слова? Не успел Владимир Ильич ещё и ответить соседу Илюхе, а кот Васька уже огромными прыжками бежал через улицу к своему родному дому со своей летней дачи. Полковник улыбнулся:

– Илья, я говорил с твоим котом Васькой, и он отказался ехать с нами в город, хотя я ему обещал очень хорошие условия проживания. Он уже убёг к себе домой в твою избу. А я в свою очередь хочу тебе, точнее Ваське, оставить мешок кошачьего корма. Тут сорок упаковок «Вискаса», – Владимир Ильич протянул Илюхе сумку с подарками большому и умному рыжему коту.

Если бы вы знали, как мучился Васька всю зиму от этого «Вискаса», как ждал он весну, полковника и его ненаглядную Анастасию Ермолаевну! И знаете – дождался!

И опять у него началась дачная жизнь.